

частным, главным образом сербо-хорватского языка. Подбор и содержание публикуемых в нем научных статей, множество рецензий о важнейших трудах по славистике, а также образцов полная библиография всех языковедческих работ, выходящих в Югославии, давно завоевали всеобщее признание ученых-славистов.

Более частные вопросы современного сербо-хорватского языка — грамматики, лексики, орфоэпии и культуры речи — обсуждаются на страницах журнала «Наш язык» («Наш језик») — органа Института сербского языка Сербской АН (с 1949 г. выходит новая серия — 5 номеров в учебный год). Тот же характер имеет и загребский журнал «Јазик» («Језик») — орган Хорватского филологического общества (выходит с 1952 г., 5 номеров в год). Вопросам грамматики и методики преподавания языка посвящена значительная часть журнала «Литература и язык в школе» («Књижевност и језик у школи», Београд — выходит с 1954 г. шесть номеров в год). В Боснии и Герцеговине издается заслуживающий серьезного внимания журнал «Вопросы современного литературного языка» («Pitanja savremenog književnog језика»; выходит с 1949 г., по одному выпуску в год); в 1954 г. он расширил свою тематику и принял заглавие «Вопросы литературы и языка» («Pitanja književnosti i језика»), став органом кафедры югославской литературы и сербо-хорватского языка философского факультета в Сараеве. Старославянский институт в Загребе при Совете по просвещению, науке и культуре правительства Народной Республики Хорватии имеет свой постоянный орган «Слово» («Слово») — журнал, посвященный вопросам старославянского языка и древнехорватской, преимущественно глаголической письменности (выходит с 1952 г.; один-два номера в год).

Что касается неперIODических изданий типа ученых записок, то из них прежде всего следует упомянуть широко известную серию «Трудов» Югославянской академии в Загребе («Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti»), имеющую свой отдел по филологии (до 1951 г. — отдел языка и литературы), где помещаются труды по языкознанию и серию «Труды» («Djela») той же академии, в которой выходят отдельные большие монографии. Сербская академия наук публикует монографии в серии «Отдельные издания» («Пособна издања») в ученых записках «Глас» («Глас Српске Академије наука, Одељење литературе и језика, с 1951 г. выходит новая серия), диалектологические труды — в «Сербском диалектологическом сборнике» («Српски диалектолошки зборник»), сообщения и рефераты в историко-филологическом разделе «Вестника Сербской академии наук» («Гласник Српске Академије наука»). Научное общество Боснии и Герцеговины издает свою серию «Трудов» («Radovi [Научног друштва NR Bosne i Hercegovine]») с отделом историко-филологических наук, наконец, Старославянский институт в Загребе имеет также свои «Труды» («Radovi Staroslavenskog instituta»).

Лингвистические работы публикуются часто в сборниках новосадской «Матицы сербской» («Зборник Матице српске за књижевност и језик»), в сборниках Загребского университета («Zbornik radova [Filozofskog fakulteta Sveučilišta i Zagrebu]»), Белградского университета («Зборник Филозофског факултета») и в периодическом издании кафедры истории югославских литератур и кафедры живых языков и литературы философского факультета в Белграде «Материалы по литературе, языку, истории и фольклору» («Прилоzi за књижевност, језик, историју и фолклор»). Отметим еще, что отдельные статьи и заметки по сербо-хорватскому языку нередко появляются также в педагогических, археологических, этнографических и исторических журналах и сборниках.

И. И. Толстой

Вопросы изучения русского языка. Сборник лингвистических статей. Под ред. Х. Х. Махмудова. — Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1955. 475 стр. (Ин-т языка и лит-ры АН Казах. ССР. Кафедра русского языка Казах. гос. ун-та им. С. М. Кирова.)

Рецензируемый сборник подготовлен в результате сотрудничества коллективов Института языка и литературы АН Казахской ССР и кафедры русского языка Казахского гос. университета им. С. М. Кирова. Сам по себе выход в свет в Казахстане, бывшем ранее одной из самых отсталых окраин царской России, большого и капитально подготовленного труда, посвященного изучению ряда актуальных проблем теории и истории русского языка, заслуживает всяческого внимания и поощрения, как факт, свидетельствующий о росте в стране новых очагов филологической науки, о росте новых, хорошо подготовленных научных кадров филологов-русистов.

Книга открывается вступительной статьей Х. Х. Махмудова — ответственного редактора сборника (стр. 3—10). Затем идет ряд статей, каждую из которых мы коротко рассмотрим.

Статья Х. М. Сайкиев в «Конструкции с винительным падежом в современном русском языке» (стр. 11—66), как и последующие статьи А. А. Коки, Е. А. Седельникова, В. М. Никитевича, по объему, широте охвата материала и по своей структуре имеет монографический характер. В статье с большой полнотой и тщательностью описываются значения винительного беспредложного и винительного с предлогами в современном русском языке, содержится ряд интересных и ценных наблюдений над изучаемыми конструкциями. Применение метода сплошной выборки позволило автору, использовавшему очень большой материал русской классической и советской литературы, дать наиболее полное из всех представленных в лингвистической литературе описание конструкций с винительным падежом. Х. М. Сайкиев в ряде случаев выделяет и описывает значения этих конструкций, до него в литературе не отмечавшиеся. Весьма ценным является проводящееся в статье установление употребительности тех или иных конструкций с винительным падежом в современном русском языке.

Однако в отдельных случаях определение значений конструкций вызывает возражения. Так, автор полагает, что приглагольный винительный падеж в предложении *С. А. И. Швабринным, разумеется, виделся я каждый день* обозначает повторность действия. Между тем повторяемость действия здесь выражается не винительным падежом имени, а определенным *каждый*. Что касается значения винительного падежа имени, то он обозначает время, неполностью занятое глагольным действием: *виделся в какое-то время каждого дня*.

Значение винительного падежа в предложении *Он еще раз высунулся из кибитки* автор квалифицирует как значение «повторяемости и последовательности явлений» (стр. 16). Между тем и в этом примере повторяемость и последовательность явлений обозначается не формой винительного падежа *раз*, а формой *еще*. Нельзя согласиться и с тем, что сочетания «типа *свел кучу пирогов, набрал корзину ягод* и т. д. в предложении выступают как обстоятельство меры» (стр. 17). Некоторые неточности такого рода можно было бы отметить и в определении значений предложных конструкций. Например, на стр. 31 Х. М. Сайкиев определяет как «направление движения внутрь чего-нибудь» значение конструкций типа *вступить в статскую службу, вступить в воинскую службу* и т. п. Совершенно необоснованным является и сведение всех причин развития синтаксического строя к утверждению о том, что «отмирание старых и появление новых языковых явлений объясняются нами сдвигами в нормах сознания, которые возникли в результате изменения общественных отношений» (стр. 63). Прежде чем объяснить сдвигами в нормах сознания сдвиги в нормах языка, надо установить, какие именно сдвиги автор нашел в развитии сознания и как они связаны со сдвигами в языке. Без этого ссылки на сдвиги в нормах сознания как на причину развития грамматического строя языка не имеют научного значения. Х. М. Сайкиев кое-где в работе делает исторические экскурсы, давая сравнение современного состояния изучаемых конструкций с древнерусским. Но эти эпизодические экскурсы явно недостаточны. Большая историчность в подходе к изучаемым явлениям только увеличила бы ценность статьи.

В целом работа, несмотря на присущие ей отмеченные и некоторые другие недостатки, безусловно является весьма интересной и ценной с точки зрения как теоретической, так и практической (она послужит, несомненно, полезным пособием и для изучающих русский язык, и для преподавателей).

Статья А. А. Коки «Конструкция с временным значением в современном русском языке» (стр. 67—111) по своему описательному характеру близко примыкает к предыдущей. Автор на широком фактическом материале современного русского языка (от Пушкина до наших дней) рассматривает все те падежные и предложно-падежные конструкции, которые обозначают временные отношения. Материал располагается по падежам: родительный, винительный, дательный и творительный без предлогов и с предлогами, а также предложный падеж. В работе уделяется большое внимание специфике построения рассматриваемых конструкций. Автор стремится уяснить взаимосвязь и взаимодействие лексических и грамматических значений в структуре словосочетаний.

При характерной для статьи большой тщательности в определении различного рода временных значений и их оттенков она не свободна от некоторых ошибок и фактических неточностей. Так, на стр. 71 автор говорит: «Момент времени может выражаться конструкциями с предлогом *с* в сочетании с другими предложными конструкциями, главным образом винительного имени с предлогом *на*, например: *Пным из них случалось даже почевать у Юрки с воскресенья на понедельник* (П). *С утра на полдень ехал он...* (А. Тв.)». Примеры здесь явно не соответствуют определению. Первой конструкцией обозначается, конечно, не «момент времени», а действие длительное, заключенное в отрезок времени, названный предложными оборотами. Во втором случае к временной конструкции относится только *утра ехал*, а *на полдень* (т. е. «на юг») обозначает направление движения. Можно было бы привести и еще ряд подобных неточностей.

Особое место в работе занимает VI раздел, посвященный синтаксической сино-

нимике в кругу словосочетаний с временным значением. Это особенно интересная часть статьи, тем более что проблемы синтаксической синонимии в современном русском языке еще слабо изучены. На стр. 104 автор дает определение синтаксических синонимов: «К синтаксическим синонимам мы относим такие конструкции..., которые по своему значению могут совпадать или отличаться друг от друга индивидуальными оттенками определенного значения, но грамматически они должны всегда иметь ярко выраженные различия». Не касаясь других неточностей этого определения, отмечу, что нельзя считать правомерным отнесение к синонимам синтаксических конструкций, полностью совпадающих по значению. Далее, на стр. 105, синонимами считаются обороты *тот же день (стал он хлопотать об отпуске)* и *в тот же день (дошел до Кирилы Петросича)*. Очевидно, что эту пару нельзя считать синонимической, ибо вишительный беспредложный в таком значении в современном нам русском языке уже не употребляется, будучи вытеснен именно вторым оборотом в данной паре. Следовательно, в этом случае мы имеем дело не с синонимикой, а с явлением прямо противоположного характера, когда члены пары синтаксических конструкций находятся не в позиции взаимного подопления и согласования, а в позиции взаимоисключения.

При определении синонимичности тех или иных конструкций А. А. Кока ограничивается установлением общности их значений, не выявляя в каждом отдельном случае тех оттенков, которыми они различаются. Например, не показаны различия оттенков в оборотах *перед вечером — под вечер — к вечеру* (стр. 109), как и в других подобных случаях.

В общем же эта работа — серьезное лингвистическое исследование, имеющее, как и работа Х. М. Сайкиева, не только теоретическую, но и определенную практическую ценность. Статья может быть использована в качестве пособия и преподавателями, и учащимися.

Статья Е. А. Седельникова «Беспредложные конструкции с творительным падежом в древнерусском литературном языке» (стр. 112—178) посвящена вопросам исторического синтаксиса — одного из наименее разработанных разделов науки о русском языке. Этот факт, в соединении с новизной подхода ко многим явлениям исторического развития словосочетаний и приемов исследования, должен вызвать определенный интерес к работе со стороны историков языка. Она строится на анализе большого фактического материала, извлеченного из письменных памятников древнерусского языка XI—XVII вв.; в ней имеется большое количество ценных наблюдений.

Автору удалось показать историю беспредложных конструкций с творительным падежом в ее динамике — выделить устойчивое и исторически изменчивое, показать рост и развитие одних функций и, напротив, угасание и постепенное отмирание других. Е. А. Седельников стремится также рассматривать историческое движение каждой конструкции с творительным падежом не как самодовлеющее, изолированное от всех других фактов языка явление, а как явление, органически связанное с другими и с ними взаимообусловленное. Это позволяет ему в ряде случаев прийти к правильным, вполне обоснованным выводам.

Положительно следует оценить и попытки автора выяснить причины, вызвавшие отмирание некоторых функций творительного беспредложного. Эти причины, как считает Е. А. Седельников, будучи во многом своеобразными в каждом конкретном случае, в основе своей порождены многозначностью творительного беспредложного, перегруженностью его различными грамматическими значениями, что зачастую порождало случаи, когда одно и то же словосочетание оказывалось носителем сразу нескольких разнородных значений. Автор правильно считает, что перегруженность творительного беспредложного различными значениями могла приводить и приводила к затруднению взаимопонимания в процессе общения. Объективная необходимость достижения более точного и правильного взаимопонимания неизбежно проявляется в замене некоторых сочтаний с творительным беспредложным другими способами выражения данных отношений, более совершенными, лучше отвечающими потребностям общения.

Одним из недостатков статьи является то, что автор, может быть, желая избежать увеличения объема работы, не всегда в достаточной мере подробно останавливается на описании значений тех предложнопадежных и падежных конструкций, которые он рассматривает в качестве параллельных творительному падежу беспредложному, считая эти факты как бы само собой разумеющимися, априорными. Между тем в некоторых случаях следовало бы установить и доказать, что данные предложные конструкции выражают именно те значения, которые усматривает в них автор. Например, на стр. 148—153 следовало бы уточнить различные оттенки и причинного значения в конструкциях с родительным падежом и предлогами *от, из, для, ради* и др. и в конструкциях с дательным падежом и предлогом *по*. Не всегда в одинаковой степени учитывает Е. А. Седельников и влияние лексического значения управляющего слова на грамматическое значение данного словосочетания. В одних случаях, например в оборотах с творительным орудия и средства, эта зависимость рассматривается весьма тщательно, в результате чего обнаруживаются интересные подробности, в других

же случаях, например в оборотах с творительным причины, лексическому значению управляющих слов-глаголов почти не уделяется внимания.

Однако при всех этих и некоторых других недостатках статья Е. А. Седельникова безусловно заслуживает внимания, тем более что она вводит в научный оборот большое количество свежих и ценных материалов. Являясь во многом теоретическим исследованием, она вместе с тем может служить и хорошим пособием для преподавателей и студентов.

Статья В. М. Никитевича «Некоторые модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке» (стр. 179—227) построена на широком материале из художественно-литературных произведений русских классиков и советских писателей. В. М. Никитевич стремится показать в своей работе, что модальность в глагольных предложениях — это категория, устанавливающая связь между подлежащим и сказуемым и отношение этой связи к действительности. Автор выявляет значительное богатство и многообразие способов выражения отношения к действительности, присущих формам глаголов изъявительного наклонения в качестве сказуемых, и проводит разграничение модальных значений возможности (невозможности), необходимости, неизбежности, долженствования и их оттенков, отмечая вместе с тем зависимость возникновения этих модальных значений и их оттенков от временных и личных глагольных форм или от характера связи действия с субъектом.

На стр. 226 автор правильно утверждает, что «морфологического выражения оттенков предложения, как такового, в сущности, нет». Однако он не делает соответствующих оговорок в отношении способов выражения других модальных значений. Вследствие этого оказывается неясным, рассматривает ли автор для форм изъявительного наклонения модальность как категорию, находящую грамматическое выражение, или же нет, хотя во вводной части В. М. Никитевич в качестве одной из основных своих задач считает необходимым «выявить грамматическую обусловленность модальных значений и их оттенков в глаголах изъявительного наклонения...» (стр. 181).

Однако наблюдая за употреблением глагольных форм изъявительного наклонения в разных предложениях, автор делает вывод о том, что в некоторых случаях глагол обозначает возможность или невозможность действия, лишь на основании языкового чутья, например *Смелость города берет*, т. е. «может брать» (стр. 119); *Правда в огне не горит*, т. е. «не может гореть» (стр. 201). В. М. Никитевич не учитывает того, что для доказательства наличия модального значения той или другой глагольной формы изъявительного наклонения необходимо исследовать объективные критерии, а не ограничиваться субъективным ощущением.

Приводимый в разделе «Грамматическая обусловленность модальных оттенков возможности (невозможности) в глаголах изъявительного наклонения» перечень глаголов, которые «в формах изъявительного наклонения имеют оттенки значений возможности (невозможности) обычно всегда и вне зависимости от контекста» (стр. 205), ясно показывает, что наличие этих модальных значений в данных глаголах определяется их лексическим содержанием, а не обуславливается грамматически. В то же время автор не уделяет внимания некоторым явлениям, действительно грамматически дифференцирующим модальность форм изъявительного наклонения (порядок слов, повтор сказуемого, двойное отрицание и некоторые другие). Несмотря на указанные недостатки, следует все же подчеркнуть, что работа В. М. Никитевича представляет собою серьезное исследование, в котором по существу рассматриваются актуальные вопросы модальности в глагольных предложениях.

В статье А. Х. Мищенко «Структурно-семантические разряды публицистической лексики А. И. Герцена» (стр. 228—274) рассматривается лексика произведений Герцена, напечатанных в «Колоколе». Однако автор почему-то не указывает объем исследуемого материала: неизвестно, использует ли он весь комплект этого издания, или ограничивается каким-либо одним периодом.

Построение лексикологических работ имеет у нас уже свою традицию: берется произведение какого-либо автора и лексический состав этого произведения распределяется по рубрикам, количество которых варьируется в зависимости от желания исследователя или каких-нибудь иных соображений. Обычно выделяется лексика бытовая, научная, общественно-политическая и пр. Очень часто состав и границы подобных лексикологических пластов, выделяемых в лексикологических работах, оказываются трудноуловимыми и неясно очерченными. В значительной мере под влиянием этой традиции находится и А. Х. Мищенко. В самом деле, что следует понимать под «публицистической лексикой»? Каков состав этого лексического слоя, каковы его границы? Каким критерием нужно пользоваться, чтобы определить, относится или не относится данное слово к публицистической лексике? Ответа на эти вопросы работа А. Х. Мищенко не дает, как, впрочем, и большинство лексикологических работ, посвященных лексике того или иного писателя, того или иного литературного произведения.

Беря в качестве объекта исследования неопределенно широкий пласт публицистической лексики, А. Х. Мищенко выделяет в нем следующие, по выражению автора,

«структурно-семантические разряды»: 1) общеупотребительные русские слова, в которых появились новые, публицистические (?) значения (*озглад, соззрение, друг, борец, здание* и др.); 2) новообразования, созданные при помощи суффиксов (*личность, гласность, чиновничество, вешательство* и др.); 3) словосложение (*самообольщение, самосознание* и др.); 4) субстантивированные образования (*новое, старое, красивые, белые* и др.); 5) научная терминология, употребляемая в публицистическом значении (*организм, пациент* и др.); 6) интернациональные общественно-политические термины (*социализм, империализм, абсолютизм* и др.); 7) неологизмы Герцена (*газетонапещ, людосек, людокрад* и др.).

В результате очевидной разнородности принципов, положенных в основу классификации, общая картина оказывается весьма пестрой и не создает впечатления об исследуемом слое лексики Герцена как о единой системе. В основу классификации положены принципы не существующие, а случайные. Как следствие, часто то или иное слово, фигурирующее у автора в одной из перечисленных рубрик, может быть помещено и в другую. Например, слово *личность* отнесено автором ко второму разряду, но с успехом может быть помещено в первый или в пятый и т. д.

Необходимо отметить, что автор очень добросовестно подошел к выполнению своей задачи, материал, привлеченный им из произведений Герцена, ярок и нов, и работа поэтому читается с интересом. Указанные же выше недостатки, как и ряд других, относясь не только к данной, но к значительному большинству других лексикологических работ, говорят о необходимости выработки строго научных и объективных методов исследования лексики литературных произведений.

В статье Л. П. Григорьевой «Вставные конструкции в романе Л. Н. Толстого „Война и мир“» (стр. 275—299) на основе рассмотрения большого фактического материала из «Войны и мира» среди вводных слов, словосочетаний и предложений выделяются в качестве особого синтаксического явления конструкции, называемые автором вставными. Л. П. Григорьева устанавливает отличия вставных конструкций от вводных, заключающиеся, по ее мнению, как в лексико-грамматических, так и в смысловых признаках. Анализ употребления вставных конструкций Л. Н. Толстым, проведенный в работе, показывает, что в качестве вставных могут употребляться все основные типы простых и сложных предложений, а также словосочетаний современного русского языка.

Работы Е. Н. Шиповой «О способах словообразования имен существительных в русском и казахском языках» (стр. 300—335) и В. А. Псеенгаллиевой «О некоторых эквивалентах русских предлогов в казахском языке» (стр. 336—394) посвящены сопоставительному изучению двух разнотипных языков — русского и казахского. В статье Е. Н. Шиповой дается обзор основных типов словообразования имен существительных в современном русском языке, и на этом основании проводится сопоставление со способами словообразования имен существительных в современном казахском языке. В. А. Псеенгаллева, основываясь на классификации предлогов акад. В. В. Виноградова, на материале произведений русских и казахских писателей прослеживает те способы выражения грамматических отношений, которые в казахском языке соответствуют русским предложным конструкциям.

Как первая, так и вторая статья не представляют собою оригинального исследования в русской своей части. Обе они ждут еще своей оценки со стороны тюркологов.

Кроме рассмотренных выше работ, в сборник включены в качестве «Приложений» статьи Х. М. Сайкисева, Е. А. Седельникова, А. А. Коки, В. А. Псеенгаллиевой, В. М. Никитевича и А. Х. Мищенко, где освещается история разработки в отечественном языкознании тех вопросов грамматики и лексики, которым посвящены перечисленные выше статьи этих авторов.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что положительные стороны сборника «Вопросы изучения русского языка» гораздо более значительны и существенны, чем его недостатки, неизбежные, вообще говоря, в каждой большой и новой по тематике серьезной научной книге. Особо нужно подчеркнуть такую общую положительную сторону всех статей сборника, как обилие фактического материала, исследованного авторами. Нужно отметить также большой труд ответственного редактора сборника Х. Х. Махмудова. В заключение хочется пожелать молодому авторскому коллективу дальнейших успехов в научной работе и в подготовке следующих выпусков лингвистических трудов.

Т. П. Ломтев

РАБОТЫ В. К. МЕТЬЮСА ПО РУССКОМУ И СТАРОСЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКАМ

Интерес к русскому языку определяет увеличение количества в зарубежной литературе работ, посвященных его исследованию. Эти работы, имеющие как специальный, так и более общий, обзорный характер, не могут не привлечь к себе внимания